

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ТАТАРИЯ

У нас на гастролях

«СКВОЗЬ ЖАР ДУШИ, СКВОЗЬ ХЛАД УМА...»

Роли и монологи Леонида КУЛАГИНА

Однажды император Нерон пригласил в Рим армянского царя Миридата. Гости оказали самый сердечный прием, а при прощании Нерон предложил царю взять на память то, что ему больше всего понравилось в Риме.

Гость попросил разрешения увезти с собой на родину одного актера, которого видел накануне в театре. Миридат так объяснил свой выбор: «Этот человек может заменить мне целую армию переводчиков, ибо, не зная языка, я понимаю все, что он говорит. Ему удается заглянуть в душу человека и народа, поэтому он может и может объединить многих людей, говорящих на разных языках».

Эту историю рассказал в одной из глав своей книги «Гаргантюа и Пантагрюэль» французский писатель Франсуа Рабле.

...И мы приходим в зал, чтобы увидеть актера, творящего сейчас для нас. Нам надо заглянуть в его глаза, почувствовать сиюминутный холодок тревоги, только тогда мы поверим в правду на сцене. Потому что, если нет человека — артиста, театр мертв, и его не оживят ни модный драматург, ни новейший режиссерский метод.

Живые, яркие театральные впечатления получили зрители, которые смогли наблюдать за жизнью на сцене заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР Леонида Кулагина в спектаклях Московского театра имени Н. В. Гоголя, который сейчас гастролирует в Казани.

То немногое, что приходилось слышать о Кулагине раньше, в основном касалось его работы в кино. Лаврецкий в «Дворянском гнезде» и неразгаданный герой фильма «Осень» — эти роли помнят многие зрители, но не от них надо вести отчет. В художнике всегда интересны истоки, предистория того творчества, которое мы видим сегодня. Ведь часто в ротовую уже роль вливается зеленый стебель из детства.

Кулагин родился в Сибири, вырос на Волге. Может быть, оттого в его работах заземленность часто сочетается с романтической удалью, а свобода его персонажей обрачивается волей.

— Отец с пяти лет брал меня в театр, я сидел за кулисами и ничего перед собой не видел, кроме сцены. Со временем меня стали занимать в каких-то массовках. Понравилось настолько, что продолжал ходить в театр и после ухода отцула отца. Меня спрашивали: «Мальчик, ты к кому?» Говорю, что к папе, обманывал даже, так тянуло туда.

В нашем доме жил музыкант из оркестра оперного театра, я потом к нему пристроился. Очень полюбил оперу. Все хотел научиться петь, как Шаляпин, а голос у меня в детстве был высокий. Думал-думал, и нашел способ себе помочь: ел снег и громко пел на морозе. Не помогло, но с тех пор ангина не болела. Окончил школу и сразу же поступил в Горьковское театральное училище. Отец, правда, был против, говорил, чтобы шел в агрономы и держался ближе к земле.

Идет спектакль по роману Ю. Бондарева «Берег». Знакомая, не раз прочитанная книга вновь проходит перед нашими глазами, теперь уже переведенной на язык театра.

...Вполне благополучный пятидесятилетний писатель Вадим Никитин летит в Западную Германию, чтобы встретиться с издателем и участвовать в дискуссии в литературном клубе. Он еще не знает о том, что его ждет встреча с далекой военной юностью, с полузабытой любовью.

В роли писателя Никитина Леонид Кулагин оказался в сложной ситуации. По замыслу инсценировщика романа, Никитина играют два актера: один действует в мае 1945 года, а другой — в наши дни. Значит, актеру еще до выхода на сцену на-

час вновь постучалась к нему, предьявив свой неоплаченный счет.

Скупое, почти жестко проводит Кулагин сцену прощания своего героя с Эммой, но зритель чувствует, что за внешней сухостью сквозит последнее отчаяние потерявшего любовь человека. Трудно назвать одним словом отношение Никитина к Эмме. Есть связи между людьми, которые не находят внешних форм, но от этого они не делаются проще.

Да, Никитин так и не смог дотянуть до своего берега. Может быть, он прожил

угадать: на какую роль будут пробовать? О Лаврецьком как-то не думалось. Мне было тогда 28 лет, а Лаврецькому в романе — 34. Но в этом и заключался замысел Михалкоза-Кончаловского — показать трагедию молодого человека.

В прошедшем сезоне в театре у меня была интересная работа — репетировал роль Сталина в инсценировке романа «Победа» Чановского. Никогда до этого не испытывал особого интереса к истории, но за время работы совершенно неожиданно открыл для себя, что моими любимыми книгами стали стенограммы Ялтинской конференции.

А сыграть я хотел бы, пожалуй, Ричарда Третьего, этого зловещего горбуна, идущего «наперед» через могилы. Впрочем, я порывался в английских хрониках и выяснил любопытную вещь: не так уж и горбат был Ричард Глостер, и преступлений совершил намного меньше, чем ему приписывают. Тут произошла психологическая вполне объяснимая вещь: человек часто становится таким, каким его хотят видеть окружающие. И Ричард начинает играть десятки ролей, принимая новые облики. Не знаю, что бы я делал, если бы не стал актером. Наша профессия помогает, я думаю, «стирать» случайные черты с людей и мира.

В «Заговоре императрицы» Кулагин играет Распутина, человека, похожего на Ричарда Глостера своим чудовищным лицемерием, одержимого борьбой за власть. Действие пьесы завязывается вокруг убийства Распутина князем Феликсом Юсуповым. Откровенно театральная манера игры Кулагина оправдывается: его герой живет как бы среди персонажей плохой мелодрамы. Он любит и покуражится, причем пластика Кулагина напоминает движения хищника, выслеживающего добычу.

Кулагинский Распутин фанатичен, им неотвратимо движет желание поскорее приблизить опасность, добиться любой разрядки, которая все-таки лучше, чем неизвестность.

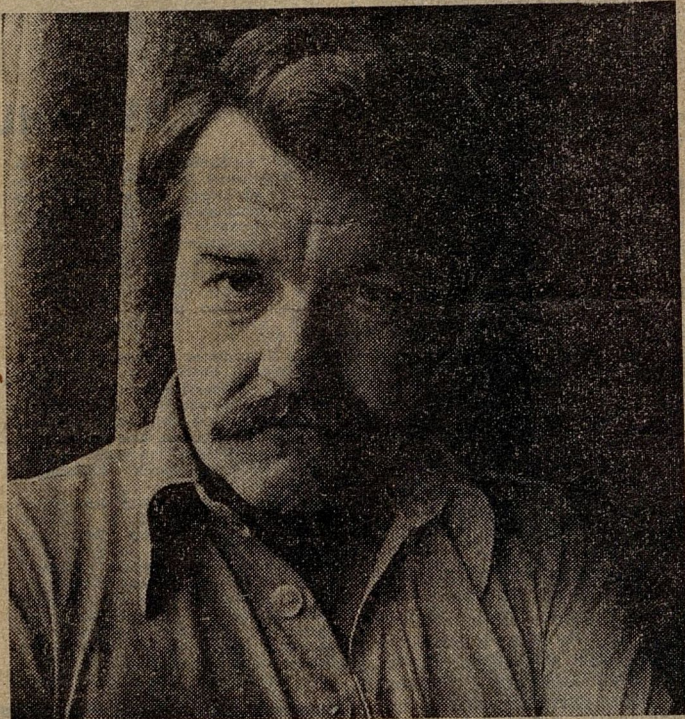
Три разных спектакля, роли, сменяющие одна другую. Леонид Кулагин приучил нас к неожиданностям.

— Не люблю готовых решений, ни в работе, ни в жизни. Люблю людей, которые сомневаются. Человека надо провешивать не разговором, а молчанием. Если мы с собеседником молчим полчаса и нам это не в тягость, значит, будет и о чем поговорить, понять такого человека сумею.

Душа настоящего артиста должна быть напряжена и взволнована, хотя внешне он может быть спокоен и тверд. Это нужно для того, чтобы пробуждать сердца зрителей, пришедших в театр. У Леонида Кулагина есть темперамент, который может напомнить нам русских актеров прошлого, его лучшие человеческие и актерские годы, к счастью, еще впереди. И, главное, у него есть дарование, а оно, по словам поэта Баратынского, «есть поручение, которое должно исполнить, несмотря ни на какие препятствия».

Т. МАМАЕВА.
Наш корр.

На снимке: Л. Кулагин.
Фото Ф. Губаева.

до было прожить большой отрезок жизни, вмещающий в себя память десятилетий.

Спокойный, уверенный в себе человек, который привык идти в жизни по хорошо накатанной дорожке, вдруг начинает испытывать какое-то бессознательное беспокойство, переходящее в тревогу. Его источник — Эмма. Герберт. Кулагин точно фиксирует моменты, когда его герой начинает чувствовать, что-то мучительно вспоминать. Актеру удается показать два состояния Никитина: он хочет воспоминаний и боится их. Но вот Эмма решает назвать себя, и память Никитина вырывается из-под контроля.

Май сорок пятого, гибель Княжко, немецкая девочка Эмма с ее входящим в душу криком: «Вадим, милый, не забывай меня!» Действие на сцене начинает развиваться в двух временных пластах. По замыслу режиссера, Кулагин молчаливо присутствует почти во всех сценах из сорок пятого года, лишь изредка комментируя происходящее. Но от эпизода к эпизоду с его лица постепенно сходит маска безразличия, и мы видим его живые, все вспомнившие и не прощающие себя глаза. Человек в суете дня забыл свою юность, а она в неурочный

свою жизнь не так светло, как погибший Княжко. Но Кулагин ни на одну минуту не дает нам усомниться в честности и совестливости своего героя. Именно больная совесть приводит Никитина к трагическому финалу.

В спектакле «Декамерон» по новеллам Джованни Боккаччо Леонид Кулагин играет пять разных ролей. Меняются костюмы, ситуации, манера игры. Ему неудобно в просторных одеждах новоявленного святого Чепорелло, тесно от ложной многозначительности жестокого принца Танкреда, но вот наконец-то найдена роль как раз по плечу! Это Федерико в «Новелле о Соколе».

В роли Федерико раскрылась еще одна грань актерского дарования Кулагина, — романтическая. Даже внешний облик его изменился до неузнаваемости: в общем-то суровое лицо стало мягким и светлым. Зритель поверил, что такой Федерико, каким подает его Кулагин, пожертвует для любимой не только соколом, но и жизнью.

— Я успел поработать в провинции, узнать вкус театральной работы, прежде чем пришел в кино. Когда получил приглашение на пробы в «Дворянское гнездо», стал перечитывать роман и все не мог